

Феликс присоединился к толпе крестьян на внутреннем дворе и уставился на воздушный корабль. Припасы грузили на борт судна — напоминание о жестоком факте, что слишком скоро они должны будут покинуть это место.

С внутреннего двора усадьбы он мог видеть поднимаемые на башню с помощью лебёдки ящики, коробки и большие кожаные мешки, которые затем по трапу переносили на судно. Похоже, что гномы собираются взять на борт обильное количество водки, чтобы заполнить свои бочонки из под эля. Снорри утверждал, что в подобных вещах лишняя предусмотрительность никогда не помешает. В основном же, продовольствие по своему составу было более традиционным — копчённое и вяленое мясо оленей, сотни буханок чёрного хлеба и множество огромных головок сыра. Чтобы ни случилось, Феликс сомневался, что им грозит голод, разве что в Пустошах Хаоса они проведут весьма длительное время. Несомненно, голод — самая меньшая из их тревог.

Он заметил, что гномы вносят усовершенствования в конструкцию корабля. Поверх вентиляционных отверстий, что позволяли воздуху проникать внутрь гондолы, были натянуты мелкаячеистые сетки. Это обеспечит отфильтровывание мутагенной пыли, что поднимается из пустынь Пустошей Хаоса. Гномы в замысловатых верёвочных корзинах свисали по бокам воздушного корабля и выполняли последние модификации двигателей и пропеллеров.

Остальные приготовления уже были сделаны. На последние три дня Макс Шрейбер удалился в небольшую башню подле особняка и выполнял какой-то загадочный ритуал. Ночами Феликс иногда мог видеть зловещее свечение в окнах башни и чувствовать странное покалывание в волосах на задней части шеи, говорящее ему о том, что действует магия. Если это и беспокоило кого-либо ещё, они не показывали вида. Предположительно, Борек рассказал им о роли волшебника в ограждении их от пагубного влияния Хаоса, и, похоже, этим волшебник и занимается. Сам Шрейбер говорил ему, что заклинания будет накладывать в последний момент, так как магия со временем утрачивает свою силу. Чем ближе к их окончательной цели он сотворит заклинание, тем дольше оно будет действовать в Пустошах. Феликс не видел причин сомневаться в компетентности волшебника.

На глазах Феликса инженеры, карабкаясь по сетке на боках огромного аэростата, прицепляли предметы, которые, судя по блеску, отбрасываемому при попадании на них света, были амулетами из драгоценных камней. Феликс заметил, что пока он находился на мостике „Духа Грунгни“, беря у Макайссона уроки управления полётом воздушного корабля, глаза фигуры на носу корабля были заменены двумя необычно сияющими камнями.

Феликсу стали доставлять удовольствие эти уроки, и он уверился, что при чрезвычайной ситуации, вероятнее всего, сможет управлять огромным судном. Однако он всё ещё сомневался, что сможет посадить эту штуку, если будет к тому вынужден. Группы небольших рычагов, как оказалось, были предназначены для выполнения множества задач. Один из них сбрасывал балласт, при необходимости вызывая быстрый подъём корабля. Другой заставлял звучать рога, которые предупреждали экипаж о приближающейся опасности. Третий сбрасывал из топливных резервуаров всю чёрную субстанцию в случае пожара — наихудшего, по заверению Макайссона, происшествия, которое могло бы произойти на воздушном корабле.

Феликс обнаружил, что испытывает огромное уважение к главному инженеру. Может, Макайссон и безумен, как утверждает Готрек, но он, несомненно, знает и любит своё дело, и даёт Феликсу понятные ответы даже на его самые технически сложные вопросы. Теперь Феликсу известно, что летает воздушный корабль потому, что газовые ячейки наполнены веществом, которое, будучи легче воздуха, обладает природной особенностью подниматься вверх. Он узнал, что чёрная субстанция — крайне легко воспламеняющийся материал и,

будучи подождённой, может даже взорваться — потому-то её и нужно сливать в случае чрезвычайной ситуации.

Всё-таки, по большей части, жизнь в поместье боярина в эти тёплые летние дни была безмятежной, и временами Феликс почти забывал об опасностях, ожидающих их на дальнейшем пути. Почти.

На его плечо опустилась рука, и тихий смех прозвучал в ушах.

— Вот ты где. Скажи мне, господин Ягер, умеешь ли ты пользоваться тем мечом?

То оказалась Ульрика.

— Да, — ответил Феликс. — У меня имеется кое-какой опыт.

— Может, пожелаешь преподать мне урок?

— Когда и где?

— Сейчас. Снаружи стен.

— Веди.

Феликс был не совсем уверен, что ожидает его снаружи. Ульрика уже вынула клинок из ножен и сделала несколько пробных выпадов в воздух. Феликс склонил голову набок и наблюдал за ней. Она двигалась правильно — ноги широко расставлены, правая нога впереди, по мере продвижения она сохраняла равновесие. Сабля ярко вспыхивала на солнце, когда она рубила какого-то воображаемого противника.

Феликс скинул плащ и камзол, высвободил собственный клинок. Это был длинный меч, весом и длиной он превосходил её оружие. Меч засвистел в воздухе, когда он проделал несколько пробных сильных ударов. Феликс уверенно двинулся вперёд. Он умело обращался с мечом, и знал об этом. Ещё в юности он выделялся на уроках фехтования, а повзрослев, выжил во множестве сражений. А меч рыцаря-храмовника, которым он пользовался, был лучше и легче всех, которые Феликс когда-либо держал в руках.

— Не этим, дурень! Вон тем, — произнесла она, кивнув в направлении другого оружия, которое лежало в деревянном ящике у стены.

Феликс прошагал туда, где возле стены лежал другой клинок. Он извлёк его из ножен и изучил. Это оказалась другая сабля, длинная и немного изогнутая. Режущая кромка была незаточена, что имело смысл для учебного оружия. Он испытал вес и баланс. Сабля была легче его собственного меча, однако в руке ощущалась непривычно. Феликс попробовал сделать несколько пробных взмахов.

— Не такое, каким я пользуюсь, — сказал он.

— Простите-извините, господин Ягер. Мой отец всегда говорит, что в бою нужно быть готовым использовать то оружие, которое имеется в руках.

— Он прав. Но обычно я стараюсь, чтобы первым оружием, попадающим в мои руки, был мой собственный меч.

Ульрика всего лишь насмешливо улыбнулась ему, откинув голову назад и немного приоткрыв

губы. Феликс пожал плечами и двинулся в её сторону, небрежно удерживая клинок в своей правой руке.

— Ты уверена, что хочешь этого? — поинтересовался он, смотря прямо в её глаза и недоумевая, зачем именно они это делают.

Несколько стражников, должно быть, подумали о том же самом — поглазеть на них со стен собралась небольшая толпа.

— Почему ты спрашиваешь?

— Можно получить увечье.

— Это тренировочные клинки, специально затупленные.

— Бывают несчастные случаи.

— Ты боишься сразиться со мной?

— Нет.

Феликс собирался сказать, что боится того, что может покалечить её, но что-то подсказало ему — так говорить не следует.

— Тебе следует знать, что в Кислеве мы сражаемся до первой крови. Обычно проигравший уходит со шрамом.

— У меня их хватает.

— Как-нибудь ты должен мне их показать, — улыбнулась Ульрика.

Пока Феликс недоумевал, что же под этим подразумевалось, она сделала выпад. Феликс едва умудрился отскочить в сторону. От его рубахи был отрезан лоскут. Рефлекторным действием он парировал следующий удар, и, не задумываясь, нанёс ответный удар в её сторону. Ульрика легко заблокировала удар, и внезапно их клинки замелькали взад-вперёд столь быстро, что едва можно было уследить взглядом.

Через несколько мгновений они отпрыгнули в стороны. Ни у кого из них не сбилось дыхание. Феликс обнаружил, что женщина весьма и весьма хороша. Феликс полагал, что имея в руках свой меч, он, по всей вероятности, мечник получше. Но ведение боя с такой скоростью было, по большей части, делом рефлексов, отточенных приёмов, которые отрабатывались бойцом столь часто, что срабатывали рефлекторно. В подобном бою с молниеносной скоростью, события происходили слишком быстро для какой-либо осознанной реакции. Лёгкий изогнутый клинок не позволял ему передохнуть и давал ей преимущество. И лишь только у него появилась возможность об этом подумать, Ульрика усилила свою атаку. Стражники на стенах приветствовали её одобрительными возгласами.

— Говорила ли я тебе, что в тренировочных поединках на саблях побил всех стражников моего отца? — произнесла Ульрика, когда Феликс едва успел своевременно поставить блок, чтобы отразить её сильный удар.

Едва ли она шутила про бой до первой крови. Это не было похоже на спортивные поединки его молодости, когда сражались для демонстрации своих навыков. Скорее походило на настоящий

бой. Феликс полагал, что в этом есть некий особый смысл. В столь смертельно опасной местности, как Кислев, не следовало обладать рефлексами, которые приучали тебя сдерживать силу своих ударов. Феликс знал, что ему понадобилось множество реальных боёв, чтобы потом преодолеть этот рефлекс.

— Если бы говорила, мы бы этим не занимались, — пробурчал он, возвращая ей яростный удар.

— А заодно я побила всех местных аристократов.

От её удара порвалась рубаха у него на груди и отлетела пуговица. Феликс прикидывал, не играет ли Ульрика с ним? Стражники сверху освистывали его.

— С тех пор, как мне исполнилось пятнадцать, ни один человек не победил меня на саблях.

Феликс весьма сомневался, что все позволяли ей побеждать лишь затем, чтобы оказать честь её отцу. Ему доводилось сражаться со многими мужчинами, а Ульрика была намного лучше большинства из них. Его лицо покраснелось, от напряжения он тяжело дышал. Феликс начал чувствовать небольшую злость к тому, как стражники аплодировали его унижению. Он заставил себя сконцентрироваться, сохранить дыхание и принял боевую стойку, как его учили.

Феликс обнаружил, что столкнулся с ещё одним неудобством. Большинство из проведённых им боёв имели весьма мало общего со столь формальным стилем поединка. Всё дело в том, что в пылу и неразберихе рукопашной, когда стараешься убить врага любым возможным способом, стиль не значит ничего.

Осознав, что продолжая сражаться в такой манере, он неминуемо проиграет, Феликс решил сменить тактику. Он отразил её следующий удар и подался вперёд. Когда они оказались лицом к лицу, он дотянулся и схватил левую руку Ульрики. Используя всю свою силу, Феликс резко дёрнул, и развернул женщину. Когда Ульрика потеряла равновесие, ему удалось выбить клинок из её руки. Феликс выпустил её, Ульрика упала назад, а он опустил свой клинок остриём к её горлу.

— Всё когда-нибудь происходит в первый раз, — промолвил он.

Крошечная капелька крови скатилась вниз по её горлу.

— Похоже, что так, господин Ягер. Может быть, до трёх побед?

Заметив, что Ульрика хохочет, Феликс тоже засмеялся.

Феликс лежал у ручья возле особняка, разглядывая колышущиеся травяные равнины, погружившись в мечты, раздумывая о том, что же происходит между ним и Ульрикой. Сама женщина стояла рядом, сжимая короткий составной лук кислевитов. С мгновение она постояла с натянутым луком в позе, которая подчёркивала её великолепную фигуру, затем послала ещё одну стрелу, которая затрепетала в центре мишени в сотне шагов. Это было её третье попадание в „яблочко“.

— Отлично, — сказал Феликс.

Она оглянулась на него:

— Это просто. Стрелять со спины скачущей галопом лошади куда как сложнее.

Феликс недоумевал, не пытается ли она произвести на него впечатление? Сложно понять. Ульрика очень сильно отличалась от других знакомых ему женщин. Она была более развязной, более искушённой в воинских искусствах, более прямолинейной. Разумеется, здесь, в Кислеве, аристократки часто сражаются в битвах плечом к плечу со своими мужчинами. Феликс предположил, что подобное в порядке вещей для такой нецивилизованной пограничной страны, где на севере — Тёмные Силы, а дикие невозделанные земли к востоку полны орков. Это суровая страна, где на счету каждый клинок. Похоже, Ульрика заинтересовалась им, как всегда интересуются друг другом мужчины и женщины, но лишь только он усиливал свои ухаживания, Ульрика отдалялась. Что крайне его разочаровывало. Феликс чувствовал, что чем больше наблюдает за женщиной, тем меньше в действительности её понимает.

На него упала тень, и по плечу легко постучала рука. Феликс поднял глаза, потревоженный в своих раздумьях. Тут стоял Варек, близоруко всматриваясь в направлении Ульрики.

— В чём дело? — спросил Феликс.

— Дядя поручил сообщить, что наши приготовления закончены. Мы отбываем завтра на рассвете.

Феликс кивнул в знак понимания. Варек низко поклонился Ульрике и ушёл.

— Что такое? — спросила она.

Феликс рассказал. Облачко прошло по её лицу.

— Так скоро, — тихо произнесла Ульрика и потянулась, чтобы дотронуться до его лица, словно убеждая себя в том, что Феликс ещё здесь.

Солнце скрылось за горизонтом. В темноте на стене стоял Феликс и смотрел в сторону далёких гор. Было ещё рано и тёплый ветерок дул над травянистыми равнинами. Две луны только что взошли. Станный мерцающий свет был виден за северными вершинами. Небо было наполнено танцующими отсветами цвета золота, серебра и крови. Это было странное зрелище, одновременно притягательное и пугающее.

Снизу доносились звуки настраиваемых музыкантами инструментов и перекрикивания поваров, готовящих вечернюю трапезу. Судя по количеству забитого скота и бутылей с водкой, Страгов готовил им поистине королевские проводы.

Слабый шум слева привлёк внимание Феликса, и он обнаружил, что находится на укреплениях не один. Готрек тоже стоял здесь, уставившись вдаль. Он выглядел сосредоточенным, и это отражалось в его взгляде.

— Это свечение — огни Хаоса? — спросил, наконец, Феликс.

— Да, человеческий отпрыск, это они.

— Отсюда они выглядят почти прекрасными.

— Сейчас ты можешь думать так, но когда пройдёшь через перевал Чёрной Крови и маршем двинешься под теми небесами — будешь думать иначе.

— Там действительно настолько плохо?

— Хуже, чем я способен рассказать. Странного цвета пески пустынь, кости огромных животных, мерцающие на свету. Колодцы отравлены, в реках не вода, а какая-то субстанция, похожая на кровь или слизь. Ветры повсюду разносят пыль. Развалины, что некогда были городами людей, эльфов и гномов. Без счёта чудовищ и врагов, которых не сдерживает страх или благоразумие.

— Вы потеряли много сородичей, когда были там в последний раз?

— Да.

— Тогда какие шансы у нас — Феликс хотел прибавить „на выживание“, но понимал, что Истребителя об этом спрашивать бессмысленно — достичь Караг-Дума?

Готрек долгое время молчал. Позади них раздавались звуки пения. С травяной лужайки перед зданием усадьбы доносилось гудение ночных насекомых. Было столь безмятежно, что Феликс с трудом верил, что на границах этой земли идёт бесконечная война, а они завтра утром отправятся в Пустоши Хаоса, откуда могут никогда не возвратиться. Стоя тут, в тёплом ночном воздухе, Феликс испытывал чувство, что жизнь его будет продолжаться вечно.

— Честно говоря, человеческий отпрыск, мне нечего сказать. Если бы мы двигались пешком, шансов бы не было по-любому, в этом я убеждён. С этим воздушным кораблём Макайссона, мы, возможно, сможем это сделать.

Он с сожалением покачал головой:

— Я не знаю. Многое зависит от того, насколько точны карты Борека и насколько мощными окажутся заклинания Шрейбера, выдержат ли двигатели, закончится ли топливо или провиант, от искривляющих бурь...

— Искривляющие бури?

— Чудовищные бури, вызванные мощью Тёмных Сил. Они заставляют камни течь, подобно воде, и превращают людей в зверей или мутантов.

— Почему ты хочешь вернуться? — Феликс повернулся и склонился над зубчатой стеной, чтобы оглядеть внутренний двор.

— Потому что мы можем попасть в Караг-Дум, человеческий отпрыск. И если мы это сделаем, наши имена будут жить в веках. А если нам не удастся, что же, это будет достойная смерть.

После этого Феликс вопросов больше не задавал. Глядя вниз на внутренний двор и поймав взглядом Ульрику в ярком длинном платье, он не желал верить в то, что может погибнуть.

Феликс шёл к краю внутреннего двора. Позади слышались звуки танцев и попойки. Трубачи играли на инструментах, которые напоминали миниатюрные волынки, остальные музыканты ритмично били в обтянутые кожей деревянные барабаны. Аромат жареного мяса, соперничая с резким запахом водки, дразнил его обоняние. Откуда-то снаружи доносились крики, ворчание и возгласы одобрения, которыми воины подзадоривали двух борцов.

Феликс был сыт и абсолютно трезв, так как решил, что не станет проводить в попойках ещё одну ночь, даже если это будет его последняя ночь на земле. Феликс искал Ульрику, но та исчезла раньше в сопровождении двух крестьянок, которые были то ли её служанками, то ли подругами, он не был точно уверен. Это было как-то неправильно. Вот он — облачённый в

свежевыстиранную и подштопанную одежду, искупавшийся и расчёсавший волосы — и даже не может найти её, чтобы сорвать поцелуй. Феликс ощущал печаль и недовольство, и был более чем сбит с толку. Девушку даже не беспокоит то, что завтра утром он отбывает? Она даже не поговорит с ним? Для праздника, что шёл позади, Феликс находился не в том настроении. Он собирался удалиться в свою комнату и хандрить. По дороге он горько улыбался, понимая, что поступает, как ребёнок, но не желал ничего предпринимать по этому поводу.

У приоткрытой двери он помедлил. В его покоях было темно, а изнутри шёл слабый звук. Рука Феликса потянулась к мечу, пока он прикидывал, грабитель ли это или какой-то прислужник сил Хаоса, который проскользнул туда в ночи под прикрытием празднества.

— Феликс, это ты? — спросил голос, который он узнал.

— Да, — произнёс он невнятным голосом, словно внезапно сложно стало выговаривать слова.

Вспыхнул огонёк, и был зажжён светильник. Феликс увидел обнажённую руку, высывающуюся из-под постельного покрывала.

— Я уж думала, ты никогда не появишься, — произнесла Ульрика и отбросила одеяло в сторону, открывая своё длинное обнажённое тело.

Феликс метнулся, чтобы присоединиться к ней в постели. Он ощутил её запах. Их губы встретились в долгом поцелуе, и на этот раз Ульрика не отстранилась.

Свет утренней зари и кукареканье петухов пробудили Феликса. Открыв глаза, он увидел, что Ульрика лежит рядом, опираясь на локоть, и изучает его лицо. Когда Ульрика заметила, что он проснулся, она улыбнулась несколько печально. Феликс поднял руку и провёл ей по щеке, чувствуя гладкую кожу её лица под своими пальцами. Она поймала его руку и повернула её, чтобы поцеловать в ладонь. Феликс засмеялся и потянул. Он притянул Ульрику к себе, чувствуя тепло её тела, радуясь тому, что находится здесь, радуясь держать её в объятиях и чувствовать биение её сердца своим обнажённым телом. Он смеялся от чистого удовольствия, но Ульрика вздрогнула и отвернулась от него, словно собираясь заплакать.

— Что-то не так? — спросил Феликс.

— Тебе пора идти, — сказала она.

— Я вернусь, — необдуманно выпалил он.

— Нет, не вернёшься. Ни один человек никогда не возвращался из Пустошей. В здравом уме. Не затронутый Хаосом.

Феликс осознал, почему их занятия любовью прошлым вечером были пронизаны такой отчаянной настойчивостью. Это были отношения на одну ночь — дар женщины воину, которого, как она думает, ей не придётся увидеть снова. Он решил, что подобное здесь в порядке вещей. Радость Феликса улетучилась, но он всё равно удержал Ульрику, поглаживая ей волосы.

Дверь сотряс мощный стук.

— Пора отправляться, человеческий отпрыск, — послышался голос Готрека, прозвучавший, словно глас судьбы.

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47310>